

ГЛЕБ ЕРШОВ

ПОД ФЛАГОМ ЦАРЯ ГОРОХА Пушкинская, 10. Двадцать лет спустя

В центральном выставочном зале «Манеж» открылся фестиваль «Пушкинская, 10». Идея фестиваля – представить легендарный арт-центр как живое пространство, давно перешагнувшее границы сквота и ставшее международным явлением, привлекающим молодежь из разных стран. Афиша фестиваля пестрела флагами, среди которых на равных фигурировал и флаг Пушкинской – белый горох на красном фоне. В свое время он был остроумно предложен Андреем Хлобыстиным как флаг мифического царя Гороха. Фестиваль – повод для размышления о прошлом и будущем арт-центра.

Осталась позади эпоха героического андеграунда с подпольными «квартирниками» 1970-х, героическими и бунтарскими 1980 – 1990-ми. Нынче другое время, и теперь Пушкинская окаменевшим остовом возвышается посреди быстро и динамично меняющегося архипелага современного искусства, став памятником самой себе.

Двадцать лет спустя – очень даже мушкетерское время для подведения итогов, тем более что пять лет назад в Манеже уже проходили долгие празднования, совпавшие с другой знаменательной датой – тридцатилетием газаневской культуры. Тогда, в 1973 и 1974 годах, выставками в ДК газа и ДК «Невский» было положено начало самоосознанию андеграундного движения, в то время представленного отдельными разрозненными группами, «домашними академиями» и художниками, мало знавшими о существовании друг друга. Возникшее в результате Товарищество экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ) стало той организационной платформой, на которой в дальнейшем и развивался ленинградский андеграунд.

Тогда многие лидеры неофициального искусства уже эмигрировали из страны – Александр Арэфьев, Михаил Шемякин, Олег Целков; погиб в своей мастерской Евгений Рухин. В то же время возникла маленькая группа «Летопись» во главе с Бобом Кошелуховым, тоже было уехавшим в Италию, но вернувшимся (редкий случай!) спустя несколько месяцев. Там впервые заявили о себе Елена Фигурина и Тимур Новиков. В 1983-м появятся «Новые художники», в 1984-м – «Митьки», и это уже будет закат советской эпохи, канун перестройки, когда клич из песни Виктора Цоя «Перемен, мы ждем перемен!» станет лозунгом времени.

Именно тогда, в 1989-м, и появляется на карте города новый центр неумной художественной активности – Пушкинская, 10, культурный феномен, возможный, очевидно, только в ту эпоху. Попробуйте сейчас в центре города занять пустующий дом! Это будет называться рейдерский захват. Хотя практика сквотерства была, есть и будет во всем мире, несмотря на политические, социальные и прочие преходящие обстоятельства, сделать это оказалось возможным только в конце 1980-х из-за укоренившейся в советское время практики капитального ремонта домов. После полного выдворения жильцов, которых городские власти переселяли, как правило, в «спальные» районы, дом мог долго, иногда годами, ждать своей участи. По договоренности с жилконторой или дворником можно было в таких домах тихонько жить, не привлекая ничего внимания. Однако заселение огромного шестиэтажного дома в центре города, в двух шагах от Невского проспекта, занимающего чуть ли не целый квартал – дело небывалое, объяснимое только тем временем. Начиналась пора стихийных митингов, демонстраций, шумных акций протеста, когда уличная демократия явочным порядком устанавливала свои законы.

Стихийное освоение дома происходило стремительно, и процесс этот уже невозможно было пресечь. У части художников уже был опыт обживания пустующих квартир. Так, на Шпалерной существовала квартирная галерея «Асса», где выставлялись «Новые художники»; открывались выставки в освободившихся коммуналках, были сквоты на Фонтанке, на Конюшенной. Ленинградские сквоты ждут своего историка. Пушкинская была еще и потому особенным явлением, что объединила разрозненные силы. Как в Ноевом ковчеге, там было каждой твари по паре. Весть о его существовании будоражила воображение и притягивала к нему художественную молодежь. Приходившим казалось, что здесь их ожидают чудеса живописи, талантливые художники, о которых мир еще не знает, и,

может быть, именно в этот момент они создают что-то удивительное. Дом-коммуна, возрождающий авангардный дух 1920-х годов, «сумасшедший корабль» Ольги Форш, запечатлевшей в своем романе образ культурного феномена схожего порядка. А ведь романтика эта имела свою обратную сторону. Электричества практически не было, отопления тоже, в парадные было страшно заходить одному, перила на многих лестницах отсутствовали, в некоторых квартирах проваливались полы, и к тому же существовала постоянная угроза выселения. Зато живопись была повсюду: на стенах двора, в самой подворотне, на дверях мастерских, везде. «Асса!» – будто так воскликнул праотец Ной, увидевший долгожданную землю – это объяснение Сергея Бугаева – Африки, предложившего название ставшему культовым фильму Сергея Соловьева, очень точное и верное название выражало суть происходящего. У складывавшегося культурного центра был штаб во главе с художниками Сергеем Ковальским и Юлием Рыбаковым. Они оперативно отбивали все атаки, договаривались о будущем Пушкинской, заручались поддержкой многих деятелей культуры, справедливо видевших здесь настоящий центр творческой активности, не имевший ничего общего с официальными мастерскими Союза художников. Нужно было иметь гражданское мужество и терпение, чтобы пройти через многие испытания, почти блокадное существование в течение нескольких лет, пока решалась судьба дома, натиск людей – от бизнесменов и конкурентов всех мастей до чиновников всех уровней, и все это при стремительно меняющейся политической и экономической ситуации в стране в 1990-е годы.

Не будь выстраданной годами закалки и твердой убежденности, что неофициальное искусство, столько лет гонимое, должно взять свое, невозможно было бы преодолеть комплекс подполья и обрести свободу. Можно сказать, что у руля Пушкинской в нужный момент оказались «семидесятники» – те, кто уже не строил никаких иллюзий по поводу социализма с человеческим лицом, а вполне осознанно представлял себя человеком «сопротивления». Не случайно, когда после долгих битв художники все же получили гарантии после капремонта вернуться в свой дом, во вновь открытом арт-центре появился Музей неконформистского искусства. Так история ленинградского андеграунда стала обретать вполне академические и традиционные музейные формы. Ситуация самоорганизации художников впервые сложилась после революции 1917 года, когда деятели русского авангарда выступили с инициативой создания музея художественной культуры (МХК) и исследовательского института при нем (ГИНХУК), положив тем самым начало планомерного собирания произведений представителей новейших течений 1910 – 1920-х годов.

Открытие арт-центра в отремонтированном доме произошло в 1998 году, «лихие девяностые» подходили к концу, в стране возникло и утвердилось современное искусство, в котором были свои правила игры, отличные от тех, что существовали в героическую эпоху неконформизма. Бурная и динамичная жизнь сквота давно осталась позади, став легендой. От дома осталась только часть, двор, помнивший безумные рок-концерты, веселые акции и перформансы, оказался отрезан – Пушкинская лишилась открытой площадной сцены, сообщавшей тогда поистине городской масштаб шумным хеппенингам и бывшей внутренней территорией – государством в государстве. Художники бывшего сквота получили мастерские, обретя возможность спокойной работы. Теперь уже арт-центр сам стал напоминать дома творчества ветеранов сцены, где «бойцы вспоминают минувшие дни», спокойно и обстоятельно изучая и систематизируя свое и коллег по цеху творчество, поддерживая негасимые лампы неконформизма.

Да, второе рождение Пушкинской принесло новое качество, но было бы ошибкой считать, что жизнь, оставив арт-центр, оттеснила его на обочину мейнстрима. Конечно, центральной выставочной площадкой стали залы музея, концепция которого основывалась на возможно более полном показе деятелей неофициальной культуры.

Одновременно в эти годы издательство «Авангард на Неве» начало изучение петербургского «второго авангарда» Так совместными усилиями фактически заново создавалась история русского искусства второй половины XX века.

В 2000-е активно заработали новые институции – Библиотека и архив независимого искусства (ПАИБНИ), где в крошечной комнатке неутомимый на выдумки Хлобыстин проводил неформатные выставки, предлагая редчайшие артефакты художественной жизни – рисунки, фотографии, письма, разные курьезы. Он же вместе с Тимуром Новиковым выпускал газету «Художественная воля». Галерея *Navicula Artis*, курируемая Андреем Клюкановым и Глебом Ершовым, стала местом, где был

открыт ряд новых имен петербургского искусства: Олега Хвостова, Петра Белого, Петра Швецова, Ильи Гапонова, Антона Хлабова, Олега Шагапова, Игоря Брякилева и других. Примечательным явлением начала 2000-х стал арт-полигон Юрия Никифорова – экспериментальная площадка, давшая возможность организации выставок трэш-характера с преобладанием «мусорных» объектов. Там показывали себя группы, уже не существующие сегодня, но очень активные тогда – «Новые тупые», «Мусорщики». Арт-полигона тоже нет, зато сравнительно недавно стал осуществляться проект галереи «Дверь» Жени Коноваловой, где художникам находчиво предлагается обыграть пространство... дверного проема, что рождает множество оригинальных решений. Многие начинающие фотографы почитали за честь показать свои работы в галерее «Фотоимидж», курируемой Андреем Чежиным. Теперь галереи нет, а есть Музей кнопки Чежина, отражающий одну его причуду или пристрастие к простой канцелярской кнопке, что выражается в маниакальной идее ее распространения на все возможные объекты, достойные быть облепленными плоским кругляшом с треугольником посередине.

На выставке самым заметным явлением были холсты Боба Кошелухова – гуру петербургской экспрессионистской живописи. В аванзале Манежа Боб представил десять вещей большого формата – мощные, монументальные, живопись его нисколько не растеряла свой энергичный натиск и дух сопротивления. Детей привлекали чайки Александра Подобеда, большие фигуры птиц – каждая со своей повадкой, окрашенные скульптуры из пенопласта были расставлены неподалеку от других объектов – исковерканных каркасов кроватей с притороченными матрацами, гнутых, поставленных «на попа» – с явной отсылкой к неодада и поп-арту Раушенберга. Среди этого абсурдистского сада камней во время открытия проходил перформанс АХЕ (Инженерный театр). Трое бомжеватого вида мужчин ползли по полу друг за другом, волоча за собой табуретку, привязанную к ноге одного из них, другой толкал головой какой-то прибор – старинный черный радиопередатчик, транслирующий счет неким числам, с возрастанием которых становилось ясно, что это даты, причем последняя была 2009. «Ахешки» – Максим Исаев и Павел Семченко – сегодня, пожалуй, единственные, кто наследует дух театра и перформанса эпохи возникновения Пушкинской. Тогда там работали театр Бориса Понизовского, «Дерево» Антона Адасинского, театр «Да – Нет», во дворе дома устраивала акции группа «Свои».

Специально к юбилею был сделан фильм Максима Якубсона, построенный на крупных планах многих легендарных персонажей той истории. Художники, музыканты, поэты в фильме заняты созидательной работой, а вовсе не предаются ностальгическим воспоминаниям. Неизменным остался знаковый персонаж арт-центра – гуру рок-н-ролла Коля Васин, обосновавшийся в манеже со своим святилищем группы «Биттлз», где подобно буддийским мантрам или магическим песнопениям проигрывались одни и те же знакомые мелодии. Проект храма любви и дружбы давно подготовлен, осталось только его осуществить.

Второй этаж Манежа в общем напоминал уже настоящий ковчег, где привычных представителей петербургского художественного мира сильно разбавляли «гости» – специально приглашенные художники из многих стран, с которыми арт-центр сотрудничает, и, судя по афише, скоро не останется таких стран на земном шаре, где не знали бы про Пушкинскую.

Особый раздел был выделен для профессоров Новой академии Тимура Новикова, среди которых преобладали гладко написанные фотолубки – пасторальные пастиши Виктора Кузнецова и Олега Маслова. Примечательно, что неоакадемизм, ставший самым громким и успешным петербургским проектом 1990-х, появился именно в тот героический период, год в год с Пушкинской, в 1989-м.

За прошедшие двадцать лет в Петербурге появились новые арт-центры, галереи, выставочные залы, теперь Пушкинская – всего лишь одна из них, но в истории она останется первой, с нее начинается история современного искусства Северной столицы.